

Чем ближе он подходил, тем громче становился шум толпы. Цзюньшу окинул взглядом собрание: яблоку негде было упасть. Похоже, от каждого двора прислали по человеку, а в толпе то и дело мелькали знакомые лица. Не желая лезть на рожон, пока ситуация не ясна, он принялся искать глазами Хао-цзы и вскоре обнаружил его — тот выглядел так, будто в него вкололи двойную порцию бодрости.

Цзюньшу вытянул друга из толпы и спросил:

— Хао-цзы-гэ, ну и что тут происходит?

— О, Сяо Чжоу-цзы, проснулся! — Хао-цзы так и сиял, довольный как слон. — Я заходил проведать тебя, да ты дрых без задних ног.

Он махнул рукой в сторону работающих мужиков и воодушевленно зашептал:

— Сяо Чжоу-цзы, дядя Ли — мировой мужик! Представляешь, тот кабан, которого мы вдвоем завалили, весь изрезанный был, товарного вида никакого. Так дядя Ли отдал нам своего, который покрупнее, а нашего забрал себе! И более того, он уже помог отправить его в уезд, в кабак, куда обычно дичь сдает.

Цзюньшу нахмурился, собираясь возразить, но Хао-цзы затараторил дальше:

— А второго кабана решили продать в деревне за полцены. Всем дядькам и братьям, кто помогал тащить, выдали по паре цзиней мяса, а остальное пустят на продажу.

Мяса в том кабане было цзиней триста-четыре, деревня вполне могла его освоить. Праздники на носу, каждая семья старается припасти хоть немного мясного, а в такой холод оно и хранится долго, и на копчение пойдет — считай, на пару месяцев о покупке свинины можно забыть.

Хао-цзы и сам понимал, что они крупно задолжали дяде Ли, но перечить охотнику всё еще побаивался. Раз Ли так распорядился, спорить — себе дороже. К тому же Цзюньшу ранен, деньги на лекарства и еду лишними не будут.

— И всё же это неправильно, — покачал головой Цзюньшу. — Дядя Ли нам жизни спас, мы ему ничем не отплатили, так еще и наживаемся на его доброте. Нет, так не пойдет. Выручку разделим на троих, доля дяди Ли — по праву.

— Как скажешь, я не против, — согласился Хао-цзы. — Только сам ему деньги понесешь.

— И понесу, — отрезал Цзюньшу, хотя в глубине души тоже робел перед суровым охотником.

Поболтав еще немного, Хао-цзы снова умчался в гущу событий. Цзюньшу постоял в стороне, раздумывая, и решил, что его семье мясо тоже не помешает. Раз уж тут вершились такие дела, староста Жун-бо, разумеется, был в самом центре.

Цзюньшу подошел к нему и вежливо попросил:

— Жун-бо, можно ли мне оставить двадцать цзиней мяса?

— Чжоу-цзы? — староста, завидев его, первым делом выдал порцию нравоучений.

Цзюньшу слушал покорно, виновато опустив голову. В деревне пустили слух, будто пацаны просто увязались за Ли, но разве скроешь правду от старосты? Лишь после того, как Цзюньшу

клятвенно пообещал больше так не рисковать, старик сменил гнев на милость.

— Зачем тебе столько мяса? — подозрительно прищурился Жун-бо. — В твоём доме ведь ещё нельзя мяса есть. Неужто решил порядки нарушить?

Цзюньшу мягко улыбнулся:

— Это для дяди и вайпо, как новогодний подарок. Разделите эти двадцать цзиней на две части, пожалуйста.

Хотя дядя обещал привезти зерно до холодов и так и не объявился, Цзюньшу не держал на него зла. Он прекрасно понимал: пока муж дяди заправляет в доме, дядя и шагу ступить не может. Но ради доброго отношения дяди и вайпо он готов был поддерживать связь. К тому же те вещи и обувь, что они передали раньше, очень выручили его. Нужно ответить добром на добро, чтобы дяде было легче дышать в собственном доме.

— А вторую часть — учителю. Он в уезде живет, дичи настоящей редко видит, пусть отведаёт.

Учитель всегда благоволил Цзюньшу. Когда тот перестал ходить в школу, учитель даже приходил к ним домой, предлагая учить его бесплатно. Увы, бросить учебу пришлось не из-за денег, а из-за семейного бремени. Учителю пришлось отступить, но он наказал Цзюньшу обязательно вернуться, как только появится возможность. Цзюньшу не хотел терять эту связь — возможно, в будущем он сможет пристроить к нему учиться кого-то из братьев.

Жун-бо, выслушав его, довольно кивнул. Хороший подарок для обеих семей. То, что Цзюньшу помнит о долге и уважении, несмотря на все прошлые обиды с мужем дяди, говорило о его благородстве и чистом сердце.

— Ладно, — одобрительно сказал староста. — Я накажу мяснику выбрать лучшие куски. Кстати, зять твоего третьего дяди как раз из соседней деревни, завтра пойдет к родителям и по пути занесет мясо твоему дяде. А то, что учителю приготовил, я тоже завтра с оказией в город отправлю.

Цзюньшу, видя, как Жун-бо разом решил все его хлопоты, искренне поклонился:

— Благодарю вас, Жун-бо, за вашу доброту и помощь.

Жун-бо махнул рукой и, заметив, что мясник с помощниками уже заканчивают ошипывать и опаливать тушу, направился к ним, чтобы распорядиться о деле.

— Чжоу-цзы...

Едва староста отошел, как к юноше поспешил Мин-аму. Он заприметил Чжоу-цзы еще издали, но не решался подойти, пока тот говорил с главой деревни.

— Мин-аму, — поприветствовал его Е Цзюньшу.

Сегодня те, кто ездил в уезд на ярмарку, уже вернулись. Юноша только хотел спросить о вещах, которые просил купить, как Мин-аму опередил его:

— Чжоу-цзы, почти всё, что ты заказывал, я уже купил и сложил в твой амбар. Сдачу пока при себе оставлю — в ближайшие дни снова поеду в город, присмотрю, чего вашему дому еще не хватает, и докуплю.

Е Цзюньшу не возражал: — Спасибо за хлопоты.

Мин-аму ответил невпопад, то и дело бросая нетерпеливые взгляды на плотную толпу у туш.

— Ох, хорошо, что мясо еще не начали продавать, а то переплатил бы втридорога... Всё, побегу я, а то лучшие куски разберут! — С этими словами он торопливо распрощался и нырнул в толпу, стараясь подобраться поближе к мяснику.

Е Цзюньшу невольно улыбнулся и, понимая, что здесь он больше не нужен, поспешил домой. Его не было полдня: как там дети? Не плачут ли? Не голодны? Сердце заныло от беспокойства, и он прибавил шагу.

Наконец он добрался до дома. В жилой комнате ярко горел огонь, доносился детский смех и шум игр. Е Цзюньшу невольно расплылся в улыбке. Войдя, он увидел целую ораву: Сяо Чжи и Ло-гэр всё еще были здесь. Завидев брата, Сяо Шань и остальные с радостными криками бросились к нему.

Е Цзюньшу по очереди погладил каждого по голове, обнял и спросил:

— Простите, что старший брат так поздно. Вы уже поужинали?

Сяо Шань, выпятив грудь, гордо отрапортовал:

— Мы всё съели! Ло-гэр приготовил нам огромную чашу лапши, и мы даже накормили Пятого и Шестого!

Лу-гэр поднял голову и заботливо спросил:

— А ты сам ел, старший брат? Мы оставили тебе большую порцию на кухне. Ло-гэр приготовил очень вкусно!

На душе у Е Цзюньшу стало удивительно тепло:

— Раз вы сыты, то и славно. Я поем чуть позже.

Е Цзюньчжи стоял в сторонке и то и дело украдкой поглядывал на брата. Заметив это, Е Цзюньшу спросил:

— Сяо Чжи, ты хочешь мне что-то сказать?

— Цзычжоу-гэ, ты и правда упал? Сильно ушибся? Больно было? — Малыш хорошо помнил, как сам плакал, когда падал, и ему было ужасно любопытно: плачут ли такие взрослые братья, как Цзычжоу?

— Сяо Чжи, мы же договорились не поминать об этом при брате! Ему же будет неловко, — Сяо Шань посмотрел на друга так, будто спрашивал: «Ну зачем ты всё разболтал?» Сяо Чжи виновато почесал затылок: — Цзычжоу-гэ, прости, я не хотел напоминать о том, как ты позорно шлепнулся.

Е Цзюньшу: «...»

Лу-гэр подумал, что эти двое только делают хуже. Разве такие слова не заставляют брата сгорать от стыда? Он взял Е Цзюньшу за руку и утешающе произнес: — Старший брат, не переживай. Даже если мы знаем, что ты испугался кабана в лесу, упал и испачкал одежду,

твой авторитет в наших глазах ни капли не пошатнулся.

Е Цзюньшу: «...» Погодите-ка, тут какое-то недоразумение. Кто это сказал, что он испугался кабана и упал? Кто?!

— Это Хао-цзы-гэ нам по секрету шепнул, когда приходил за твоей чистой одеждой. Мы начали расспрашивать, вот он и проговорился. Мы не специально! — Лу-гэр обхватил ногу брата и преданно заглянул в глаза.

Утешение не сработало. Е Цзюньшу обвел взглядом притихших малышей, даже Ло-гэр, сидевший на кане с двойняшками, с любопытством наблюдал за сценой.

В голове была лишь одна мысль: «Е Цзюньхао, скотина, ну что ты там наплел!»

Лу-гэр вдруг принялся и уловил слабый аромат лекарств. Он мгновенно встревожился:

— Старший брат, ты поранился?

Взвесив всё, Е Цзюньшу решил, что пусть лучше они верят в версию с падением, чем в правду о битве. Он с улыбкой признал:

— Да так, оцарапался немного. Уже помазал лекарством, просто кожу содрал, ничего страшного. Только чур — больше об этом ни слова и в деревне не болтать, а то у брата совсем лица не останется.

— Угу! Не будем! — маленькие головы закивали, а глаза продолжали преданно смотреть на него.

— Вот и умницы, — похвалил Е Цзюньшу. — Я попросил Мин-аму купить в городе много вкусностей. В награду сегодня каждый получит по кусочку сахара!

Глаза детей мгновенно засияли. Сяо Шань шумно сглотнул:

— Старший брат, это тот самый сладкий солод?

Е Цзюньшу ласково погладил его по голове:

— Он самый.

— И мне дашь? — Сяо Чжи застенчиво затеребил пальцы, тоже сглатывая слюну.

— Всем дам, всем. Сейчас принесу. С этими словами Е Цзюньшу направился в сторону амбара.